

ИСТОРИКИ НА ОТДЫХЕ: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ САНАТОРИЕВ ЦЕКУБУ И АКАДЕМИИ НАУК В 1920-1960-Х ГГ.*

О. И. Секенова

*Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. В статье рассматривается санаторно-курортный отдых научных работников как элемент досуговой повседневности советского академического сообщества 1920-х – 1960-х гг. Автор анализирует, как изменялась санаторно-курортная система Академии наук перед вызовами времени, как организовывался отдых научных работников, какие практики повседневного досуга были типичными для отдыхающих. По делопроизводственным документам из архива Российской академии наук и материалам эго-документов советских историков: личной переписке, воспоминаниям, дневникам, стихотворениям – становится возможным охарактеризовать контингент санаториев системы Академии наук, процесс получения путевок в санатории, материальные привилегии, доступные для отдыхающих научных работников и иные стороны академической повседневности. Санатории Академии наук, созданные по инициативе ЦЕКУБУ, стали одним из важнейших способов материального поощрения научных работников в СССР. В отличие от коллег-физиков, ученые-гуманитарии 1920-х – 1930-х гг. не могли мечтать о поездке на отдых за границу, поэтому путевка в советский санаторий системы ЦЕКУБУ (а позднее, АН СССР) виделась им наилучшей возможностью испытать на себе «буржуазный отдых», отвлечься от бытовых и профессиональных проблем, предаться воспоминаниям в кругу старых друзей и профессиональных единомышленников. Тем не менее, контингент санаториев АН СССР не ограничивался научными работниками и членами их семей. Особый статус этих санаториев, их «элитарность», неповторимая атмосфера интеллектуального общения заставляли и представителей иных профессий стремиться именно в эти дома отдыха. Возможность «достать» путевку в специализированный санаторий или дом отдыха для научных работников или, напротив, способность как-либо пролоббировать интересы санатория в органах власти становились ценными активами советской неформальной экономики, способом получения других ценных услуг. Досуг ученых в санаториях в 1920 – 1930 гг. организовывался самими отдыхающими (они устраивали публичные лекции, концерты, походы и экскурсии), впоследствии эта функция постепенно переходила к администрации санаториев и домов отдыха.

Ключевые слова: повседневность, досуг, санатории, Академия наук СССР, ЦЕКУБУ.

***Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 19-09-00191.**

HISTORIANS ON VACANCES: EVERYDAY LIFE OF TSEKUBU AND ACADEMY OF SCIENCE SANATORIUMS IN 1920 – 1960-IES*

O. I. Sekenova

*The Institute of Ethnology and Anthropology RAS
(Moscow, Russia)*

Abstract. *The article focuses on the sanatorium-resort recreation of the Soviet researchers as the element of leisure in everyday life of the Soviet academic community in 1920 – 1960-ies. The author analyses how the sanatorium-resort system of the Academy of Science have changed in response to contemporary challenges, how the recreation of the researchers was organized, which practices of leisure time were typical for the vacationers. Using the papers of the Academy of Science and the ego-documents of the Soviet historians (personal correspondence, memoirs, diaries, poetry) it is possible to characterize the contingent of the Academy of Science resorts, the process of getting the vouchers to the resorts, material privileges that were available for recreating researchers and the other elements of the academic everyday life. The sanatoriums of the Academy of Sciences, created on the initiative of TSEKUBU (the Central Commission for Improving the Life of Scientists), became one of the most important ways of material encouraging for scientific workers in the USSR. The humanities scientists of the 1920s – 1930s could not dream of going on vacation abroad, so a voucher to a Soviet sanatorium of the TSEKUBU system (and later, the USSR Academy of Sciences) saw them as the best opportunity to experience "the bourgeois rest", escape from professional problems, look aside in memories with old friends and professional like-minded people. Nevertheless, the contingent of sanatoriums of the USSR Academy of Sciences was not limited to scientists and their family members. The special status of these sanatoriums, their "elitism", and the unique atmosphere of intellectual communication forced representatives of other professions to strive for these rest homes. The ability to "get" a ticket to a specialized sanatorium or a holiday home for scientists, or, on the contrary, the ability to lobby the interests of the sanatorium in the government became valuable assets of the Soviet informal economy, a way to obtain other valuable services. Leisure of scientists in sanatoriums in 1920 – 1930 was organized by the vacationers themselves (they organized public lectures, concerts, hikes and excursions), later this function gradually passed to the administration of sanatoriums and rest homes.*

Keywords: *everyday life, leisure, sanatoriums, Academy of Sciences of the Soviet Union, TSEKUBU.*

***The reported study was funded by RFBR, project number 19-09-00191.**

Выпуск киножурнала «Фитиль» «Коварство и любовь» за 1965 год [14] рассказывает историю театральной билетерши, доставшей путевку в санаторий Академии наук в надежде устроить свою личную жизнь и решить бытовые трудности, влюбив в себя немолодого академика. По законам жанра фельетона, эта попытка не увенчалась успехом: ухаживая за пожилым отдыхающим, билетерша не знала, что он находится в санатории лишь на правах мужа женщины-академика. Автором идеи и сценария киносюжета был советский писатель В. М. Санин. И хотя сама интрига фельетона, вероятнее всего, была придумана автором (что, впрочем, не говорит о ее нереальности), короткое видео демонстрирует ряд важных для историка повседневности моментов, связанных с санаторным бытом советских научных работников 1960-х гг. и с которыми не понаслышке был знаком автор фельетона: возможность получить путевку не только за научные заслуги, а по знакомству, материальные условия отдыха (питание, номера), практики досуга, типичные для проживающих в санатории. Изучение досуговой повседневности советских научных работников 1920-1960 гг., отраженной в фельетоне, ставит перед исследователем ряд вопросов: как изменялась санаторно-курортная система Академии наук перед вызовами времени, как организовывался отдых научных работников, какие практики повседневного досуга были типичными для отдыхающих научных работников, как складывались взаимоотношения между людьми в санатории. Некоторые из этих вопросов уже ставились в научной литературе (санатории как привилегия научных работников рассматривались Н. Л. Пушкаревой [24, 25], О. А. Хабибрахмановой [28], Е. А. Долговой [11]; также есть ряд работ по изучению системы организации отдыха конкретных санаториев [19, 20, 26], а работа М. Ю. Коробко на основе воспоминаний отдыхающих раскрывает некоторые стороны повседневной жизни санатория «Узкое» [15]). Основная задача данной статьи: рассмотреть изменения повседневной жизни в системе санаторно-курортного отдыха научных работников по делопроизводственным документам из архива Российской академии наук и

материалам эго-документов советских историков: личной переписке, воспоминаниям, дневникам, стихотворениям.

Система санаторно-курортного отдыха научных работников: трансформация с 1920-по 1960-е

История создания системы санаторно-курортного отдыха для научных работников напрямую связана с созданием ЦЕКУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК СССР), в 1921 году объединенной из ПетроКУБУ и МосКУБУ [30, с. 79–80]. Одним из направлений деятельности комиссии в 1921–1923 гг. было создание санаториев для ученых, как правило, на базе богатых дореволюционных усадеб или дач в южных регионах страны (так, санаторий «Узкое» открылся в 1922 году в бывшей усадьбе князей Трубецких, санаторий «Сосновый бор» в Болшево – в усадьбе Прове-Калиша). Также появляются санатории для научных работников в Детском селе под Петроградом, в Гаспре (Крым) и в Кисловодске [26, с. 20–22]. Изначально путевки на научные и иные организации распределяла ЦЕКУБУ (после 1931 года под ударами критики преобразованная в Комиссию содействия ученым при СНК СССР) [22]. Ситуация изменилась в 1937 году, когда КСУ была уничтожена, поликлиники и дома отдыха ученых были переданы в ведение Академии наук СССР [4, л. 1–2], а санатории были переданы Наркомату здравоохранения СССР. При этом путевки для ученых выделялись и в санатории Министерства здравоохранения. Наилучшим выходом для распределения путевок в данном случае виделась передача этой функции профсоюзам. При этом такая двойственная система подчинения санаториев сохранялась достаточно долго и провоцировала конфликты (каждая из организаций полагала, что лучше справится с этими активами, чем вторая). Так, начало периода оттепели ознаменовалось для санаторно-курортной системы Академии наук большим скандалом, связанным с передачей нескольких санаториев в Министерство здравоохранения СССР. В ходе борьбы за любимые санатории шли коллективные письма профессоров и академиков на имя Президента АН СССР Несмеянова с просьбой сохранить санаторий Сосновый бор и санаторий имени М. Горького в Кисловодске как специализированные санаторные учреждения для обслуживания отдыхающих научных работников АН и др. научных учреждений и вузов [5, л. 11–13]. Санаторий «Сосновый бор» описывался как созданный именно для профессуры «соответственно с потребностями и запросами этой группы работников умственного труда» [5, л. 11]. В свою очередь, в борьбе за санатории Министерство здравоохранения использовало фельетоны. Так, фельетон «Лесной гибрид» в газете «Медицинский работник» от 25 сентября 1956 года №77 прямо намекал на то, что поликлиника №1 Академии наук СССР использовалась не по назначению (как место лечения больных ученых), а как санаторий для посторонних лиц. Эти намеки спровоцировали целую проверку со стороны Управления финансирования Культуры здравоохранения и социального обеспечения Министерства финансов СССР, которая опровергла это заявление и установила, что «в отделении больницы поликлиники №1 АН в Болшеве находились на излечении действительно больные ученые и работники АН СССР, а не просто отдыхающие, как утверждает автор фельетона» [5, л. 82]. В итоге был найден компромисс: в соответствии с указанием Совета министров СССР от 4 апреля 1956 года АН СССР было предоставлено право по-прежнему использовать санатории и дом отдыха АН независимо от их передачи министерству здравоохранения РСФСР [5, л. 110].

Санатории, созданные в эпоху НЭПа, некоторое время очень ограниченно пользовались благами государственного снабжения. Историк С. А. Пионтковский писал в дневнике в 1928 году: «Сотни тысяч приезжающих на минеральные воды всецело попадают в руки к частнику, снабжающему их булками, фруктами, шашлыком, вином, одеждою, лошадьми – одним словом всем кроме нарзанных ванн и лечебной, которые находятся в руках государства» [21, с. 98–99]. После реформы КСУ (бывшей ЦЕКУБУ) 1937 г. снабжение продуктами санаториев системы Академии

наук стало производиться на основании лимитов АН СССР из спецбазы Главгастронома, но кроме лимитированных продуктов санатории снабжались еще и из подсобных хозяйств «в целях улучшения питания отдыхающих» [4, л. 35]. После коллективизации санатории системы Академии наук получили в распоряжение подсобные хозяйства – совхозы (во время Великой Отечественной войны они были на время переданы в распоряжение Курортного управления [6, л. 12]). В тяжелые послевоенные годы это было серьезной привилегией для санаториев, которые, тем не менее, продолжали бороться за улучшение снабжения, используя для этого возможности отдыхающих. Пример того, как руководство санаториев решало проблемы снабжения, можно увидеть в обширном эпистолярном наследии дипломата (посла СССР в Англии в 1930-е гг.) и историка И. М. Майского. Во время отдыха в санатории имени Горького Академии наук в Кисловодске, И. М. Майский подружился с директором санатория А. В. Венгеровским, и, по его просьбе, в 1947 году писал письма в Курортное управление с хвалебными отзывами о работе директора и с просьбами улучшить материальное положение санатория: «Необходимо вместо отданного им в прежние годы совхоза Аlikоновка, который имел 1185 га площади, включая 200 га пашни, 60 га садов, 48 га огородов и 110 коров, 80 свиней, 450 баранов, 50 лошадей, 2,5 тыс. птиц, 50 ульев и т.д. получить хотя бы совхоз Подкумское в 267 га площади» [6, л. 11–12]. Также И. М. Майский просил о передаче санаторию автобуса, легковой машины «эмка» (т.е. ГАЗ-М1) и двух виллис (американских армейских военных автомобилей повышенной проходимости, поставленных в СССР по ленд-лизу) для организации дальних экскурсий отдыхающих в горную местность. (Для сравнения, подмосковный дом отдыха Академии наук в Узком в тот момент был обеспечен лишь двумя единицами автотранспорта: полутонной ГАЗ АА, и автобусом. Все эти транспортные средства санаторий получил еще в тот момент, когда работал в качестве госпиталя в 1941-1943 гг. [4, л. 35]). Почти во всех просьбах И. М. Майскому было отказано (И. Зубов, корреспондент И. М. Майского по переписке туманно пообещал только автобус и легковую машину [6, л. 13]), но при этом подобным участием в судьбе санатория, И. М. Майский добивался, в первую очередь, максимального комфорта для себя во время санаторного отдыха, что было условием традиционных для этой сферы в 1930-1940-х гг. патрон-клиентских отношений (пример аналогичных паттернов поведения приводит Л. А. Кузнецова в кейсе реконструкции Сочинского курорта в 1930-е гг. [17]).

Распределение путевок среди ученых и контингент отдыхающих

Сама идея об отдельных домах отдыха для научных работников, подведомственных ЦЕКУБУ, сразу же столкнулась с иной реальностью: в 1920-х-1930-х гг. ученые не составляли большинства отдыхающих в санаториях. Путевки распределялись между театральными и литературными деятелями, представителями номенклатуры, старыми революционерами и иными лицами, претендовавшими на отдых в новой санаторно-курортной системе. То, что в академических санаториях ученые составляли далеко не большинство отдыхающих объяснялось в официальных документах в первую очередь тем, что «большинство ученых связано с преподаванием в вузах Советского Союза», из-за чего научные работники отдыхали в основном во 2 и 3 кварталах, а в другое время санаториями и домами отдыха практически не пользовались [5, л. 6]. Е. А. Долгова характеризует систему распределения путевок в санатории для научных работников в 1920-1930-е гг. как проявление механизма корпоративных связей, сложившегося еще до 1917 года [11, с. 124]. Во многом это мнение основано на критике организации ЦЕКУБУ в тенденциозной статье Е. А. Коровина «Зачем существует ЦЕКУБУ?» [16], хотя почти все ее положения опровергались современниками (как в эмигрантской прессе [27], так и в личных дневниках [23]). Безусловно, часть «цекубистов» составляли еще дореволюционные профессора (преподаватель истории И. И. Шитц объяснял это тем, что среди них «действительно, много еще ученых и притом прежних, ибо новых то ведь и нет!»

[31, с. 164]), следовательно, от них можно было бы ожидать помощи и поддержки, в первую очередь, для своих старых коллег и друзей. Но даже на примере ученых-историков сложно согласиться с мнением, что распределение мест в санаториях шло в соответствии с дореволюционной научной иерархией. Если в 1920-х гг. деятельность экспертных комиссий по получению персональных пенсий или денежного обеспечения более высокой категории, еще могла подкрепляться личными симпатиями и ходатайствами [1, с. 249] (хотя коллегиальный характер деятельности экспертных комиссий также заставляет в этом сомневаться), то распределение путевок в санатории выглядело еще более непредсказуемым процессом (в качестве примера можно привести письмо историку Н. Д. Чечулину от историка С. Ф. Платонова, в котором Платонов писал о невозможности достать для товарища путевку в санаторий, но допускал выделение Чечулину пособия на лечение в 200 рублей всего лишь по ходатайству [1, с. 259]). И. И. Шитц рассказывал о типичной практике 1930-х гг., когда после тяжелой «проработки» и увольнения из университетов, историкам давали путевку в санаторий «в насмешку» [31, с. 275].

Распределение путевок на отдых проходило уже внутри организаций, и, соответственно, объективность распределения путевок зависела исключительно от внутренней личной атмосферы в конкретном подразделении. В 1920-е гг. не только известные профессора-историки дореволюционной школы пользовались привилегией посещения санаториев, но и все более молодые представители «Школы Покровского» также имели возможность отдыхать на первых советских курортах для работников науки. Необходимо отметить, что лишь немногие ученые пользовались возможностью отдыхать на зарубежных курортах в сталинскую эпоху, и среди них не было ни одного представителя гуманитарных наук: только физики и химики [3]. Таким ученым, как знаменитый химик Л. В. Писаржевский, был доступен отдых во Франции и санаториях Карлсбада в середине 1930-х гг. [3, л. 113]. Уже в 1950-е гг. многие ученые посетили санатории в Карловых Варах: были выделены 40 путевок в 1956 году и 150 в 1957 году [5, л. 73] (среди отдыхавших преимущественно были физики – первая женщина-академик АН СССР Л. С. Штерн, М. М. Кусаков, К. М. Косиков, геологи – Б. И. Лосев, Т. Ф. Горбачев [5, л. 20, 32, 48, 60, 61]). Примечательно, что все перечисленные исследователи кроме Л. С. Штерн выезжали за границу с супругами, также путевками воспользовались супруга философа-марксиста А. М. Деборина И. И. Деборина-Гроер и вдова геолога Б. И. Чернышева [5, л. 16, 70]. Позднее в эпоху оттепели постепенно получают возможность выехать за рубеж в туристические поездки и ученые-гуманитарии [29].

Описанная выше система распределения путевок не только среди научных работников, но и среди представителей творческой интеллигенции и отличившихся на производстве рабочих отражалась на контингенте санаториев Академии наук еще в конце 1920-х гг.: они становились не местом отдыха избранной научной элиты, а, скорее, витриной «правильного» досуга лучших советских людей, наградой за их труд на благо советского общества. При этом само размещение в санаториях, в которые ЦЕКУБУ распределяла путевки, имело строго определенную иерархию. Это было заметно для всех отдыхающих, которые видели в этом несправедливость и несоответствие советской идеологии, но опасались выразить свое мнение публично, ограничиваясь только едкими замечаниями в дневниках: «Для ответственных работников имеются особые санатории. И если в них обычно люди помещаются по три человека в одной комнате, для особо ответственных работников дают целые дачи» [21, с. 100]; «в ЦЕКУБУ часть домов отдыха выделена для «уважаемых» ученых – профессоров и т. д. Аспиранты же и т. п. пользуются санаториями попроще через Секцию Научных работников» [31, с. 325]. Судя по эго-документам, санаторий в «Узком» был более элитным, чем другие санатории Академии наук. Этим он был более привлекателен для старой дореволюционной профессуры (отдых вместе с яркими личностями из литературных кругов и возможность поддерживать старинные

знакомства и связи отмечались как несомненные достоинства этого санатория [12, с. 297–303]). В санаториях в Гаспре и Кисловодске контингент был несколько иным. Историк М. В. Нечкина писала супругу из южного санатория: «Публика здесь обычная цекубистская, т.е. на 70% сволочь, остальные 30 – есть хорошие» [8, л. 120]. Историк С. А. Пионтковский в 1928 году в дневнике писал о санатории в Кисловодске: «В нашем санатории все партийцы, человек 120. Но какая здесь смесь одежды и лиц. Правда, публика все люди средней руки, губернский актив, ответработники. Партийные сановники не мешаются даже во время отдыха с рядовой партийной шпаной. Ни в одной, пожалуй, стране аристократия не поставлена так крепко и в высоко привилегированные условия, как у нас» [21, с. 100]. Также С. А. Пионтковский отмечал небольшое количество женщин в санатории (в основном, это были женщины «все в возрасте, потрепанные жизнью» [21, с. 101]). Эти воспоминания подтверждают, что практика «семейного» отдыха в санатории возникла позднее и тоже была своего рода привилегией для научных работников высокого ранга (в первую очередь, академиков и докторов наук) [2, л. 6]. Переписка М. В. Нечкиной также демонстрирует, что совместный отдых супругов в санаториях Академии наук не практиковался (она и ее супруг, химик Д. Я. Эпштейн всегда отдыхали порознь, ведя при этом обширную переписку. В некоторых письмах, М. В. Нечкина дразнила мужа по поводу их разлуки «...А рогов я тебе еще не наставляла и пока не собираюсь» [8, л. 75], описывая этим, тем не менее, стереотипное представление о санаторной жизни [18]).

Некоторые стороны процесса получения путевок и борьбы за улучшение условий отдыха в 1940-е – 1960-е гг. легко реконструируются по эго-документам. Так, например, обширная переписка дипломата и историка И. М. Майского с начальством различных санаториев и московскими чиновниками, в свою очередь, демонстрирует процесс «добычи» путевок с наилучшими условиями отдыха: на правах академика и человека, у которого за плечами «60 лет участия в революционном движении», Майский никогда не удовлетворялся обычными условиями санатория, а требовал «двухкомнатный номер-люкс» или, по крайней мере, «полулюкс с санузелом» [6, л. 47, 49]. Без сомнения, И. М. Майский следовал установленным правилам игры, поэтому в просьбах не ограничивался только руководством санатория и подкреплял свои требования письмами от членов Президиума Академии наук СССР и иных знакомых ему представителей номенклатуры. Интересно, что все привилегии для себя он требует именно в статусе академика, а не бывшего посла и ветерана дипломатической службы (следовательно, по его мнению, статус академика АН СССР в системе распределения материальных благ был выше). Аналогичная ситуация происходила с прикреплением И. М. Майского к ведомственной больнице. После того, как И. М. Майский боролся с последствиями инфаркта в кремлевской больнице в Кунцево в 1959 году, он регулярно писал письма в 4-е Главное управление при Минздраве СССР (занимавшегося правительственной медициной) и лично К. Е. Ворошилову, А. И. Микояну, заведующему Идеологическим отделом ЦК КПСС Л. Ф. Ильичёву с просьбой помочь ему и жене прикрепиться к Кремлевской системе медобслуживания [6, л. 33, 39], параллельно с этим ругая систему здравоохранения Академии наук, которую в письмах директорам санаториев очень хвалил: «в нашей академической системе, к сожалению, санаторное дело обстоит очень плохо, а в академической аптеке часто нельзя найти даже самых обыкновенных лекарств» [6, л. 33, 39], «АН также не имеет санаториев, подходящих для нас с женой с учетом нашего возраста и состояния здоровья» [6, л. 41]. Причину плохого уровня санаторного дела в АН СССР И. М. Майский видел в недостаточном контроле Президиума за состоянием дел и в том, что санаториями АН СССР занимался аппарат. Тем не менее, по мере утраты актуальных политических рычагов и свежих знакомств в партийной номенклатуре, И. М. Майский терял материальные привилегии: в конце 1960-х ему не только не давали выбрать лучшие номера в санаториях, но и вообще

отказывали в путевках, что И. М. Майский пытался решить уже через письма Президенту Академии наук М. В. Келдышу. Во время очередной попытки прикрепиться к кремлевской больнице, И. М. Майский даже посылал подарок – книгу «Россию во мгле» Г. Уэллса с собственным предисловием – главе 4-го Главного управления при Минздраве Е. И. Чазову, но попытки вновь не увенчались успехом [6, л. 50]. Впрочем, к постоянным резким ответам в официальных письмах 4-го Главного управления при Минздраве СССР [6, л. 56–68], И. М. Майский привык, и не считал их итоговым решением, продолжая переписку и заручаясь каждый раз поддержкой новых статусных знакомых. Стратегия получения доступа к материальным благам через использование связей в номенклатуре, которую использовал И. М. Майский, хотя и была одной из типичных, далеко не всегда гарантировала успех.

Санаторная повседневность в эго-документах советских историков

Повседневная жизнь первых советских санаториев системы Академии наук в 1920-е гг. принципиально отличалась от ежедневного советского быта, полного забот и переживаний. После получения путевки/курсовки на отдых и лечение, ученые самостоятельно добирались до санатория (как правило, на юг отправлялись на поезде, а в санаторий «Узкое» вела только автомобильная дорога). Обычно путевки выдавались на 24 дня [2, л. 6], но в дома отдыха (как, например, в санаторий в Узком) можно было приезжать и на несколько дней [15]. Типичный распорядок дня на курорте был описан М. В. Нечкиной: после подъема в 7-7-30 перед комнатой ставили кефир, «после чего жду в длинном хвосте умыться. (...тут уборная как у людей... лучше, чем у нас на Арбате) и бегу на почту за газетой. Оттуда в цекубу завтракать, его дают в 8,5 часов. После иду домой прибирать комнату» (М. В. Нечкина предпочитала убираться сама, а не дожидаться уборщицу, проблемы с уборкой отдельно отмечались в письме). «После этого я пишу письма (...) и брожу по ближним окрестностям (...)». После обеда «опять болтаюсь с комнатой, прибираюсь, пишу письма, а вчера ходила одна по горе в березовую рощу. В 4 часа чай, после него гуляла на реку с компанией. (...) После 8 вечера ужин, чуточку болтаюсь у террасы, чтобы видеть, не будет ли кто петь, и если нет, то ухожу к себе с фонариком (...). Заваливаюсь спать в 9 часов!» [8, л. 72(об)–73]. Санаторий воспринимался именно как место отдыха, а не оздоровления: оздоровительные процедуры становились предметом шуток и фольклора. М.В. Нечкина приводила такую частушку, бытовавшую в санатории в Теберде [8, л. 74]:

*На углу стоит девчонка –
Лопает морожено.
Оказалось, старушонка,
Только омоложена!*

Совместный отдых в течение нескольких недель сближал отдыхающих: возникали не только романы, но и крепкие деловые и дружеские отношения. (Так, например, в Теберде в 1928 г. М. В. Нечкина познакомилась с главой ЦЕКУБУ А. Б. Халатовым [8, л. 92], к которому сочла возможным обратиться за поддержкой в период разногласий с ее учителем М. Н. Покровским [7, л. 7–10]).

Несмотря на некоторые бытовые проблемы санаториев (ежеутренние очереди в уборную, перебои с водой [6, л. 11]), отдыхающая интеллигенция видела и осознавала разительный контраст между своим образом жизни и образом жизни местного населения (как работников санатория, так и просто местных крестьян). В письмах М. В. Нечкиной эта разница видна через забавные, по ее мнению, анекдоты о местных жителях, которые она пересказывает мужу («Халатов говорил с каким-то карачаевцем, как ему живется. Тот ответил: «плохо живется – хозяйство плохой, жена нет, один корова есть, да и тот бык» [8, л. 92]). Совсем иначе относился к этому

контрасту С. А. Пионтковский: «отъедешь верст 15-20 от Кисловодска и совсем попадешь уже в первобытные дебри» [21, с. 99], «на даче ВЦИКа, как в палатах: кругом жрать нечего, а у них на каждого отдельный стол» [21, с. 358].

В 1920-1940-е гг. развлекательная программа научных санаториев была полностью организована силами отдыхающих: по вечерам ученые читали лекции, для всех желающих по своей области исследования [26, с. 70–74], делились воспоминаниями о молодости [12, с. 298–300], устраивали вечера, на которых пели песни и декламировали стихи, играли в шарады [21, с. 358]. Так, например, санаторий в Узком выделял деньги на досуг отдыхающих только на показ кинофильмов [4, л. 19]. Отдыхающие по желанию занимались спортом: летом – спортивными играми, зимой – лыжами, катанием с гор на санях [15]. Почти ежедневно отдыхающие устраивали пешие походы на природу и, изредка, если была возможность договориться о транспорте, выезжали смотреть природные достопримечательности (такая форма отдыха была распространена в санаториях на Кавказе [21, с. 358; 8, л. 72(об.)–73; 6]). Атмосфера отдыха и веселья в санаториях создавалась, в первую очередь, силами самих отдыхающих. Многие воспоминания о санатории в Узком фиксировали создание в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «Санузской республики» [13] (название произошло от сокращения «санаторий Узкое» [12, с. 297]) – шуточного государства отдыхающих со своими традициями и развлечениями. Видимо, так здесь проявлялась типичная для советских детей [10] и молодежи [9, с. 40–43] форма проведения коммунального досуга 1920-х через создание воображаемых утопических государственных образований, необычным было скорее то, что в Узком в эту игру с удовольствием играли люди взрослые и регулярно занятые интеллектуальным трудом. Тем не менее, отдыхающие с удовольствием решали в «игровой форме» вопросы внутренней дисциплины санатория и самостоятельной организации досуга. Хотя санаторная жизнь отвлекала ученых от повседневных проблем, нельзя думать, что санаторий помогал забыть от невзгод: С. А. Пионтковский, репрессированный и расстрелянный в 1937 году, так описывал свой досуг в Кисловодском санатории на протяжении всего месяца отдыха в 1929 году: «гулял по парку, был в театре, побаивался чистки» [21, с. 270]. Атмосфера санаториев носила все менее беззаботный характер. К 1937 году шуточная республика «Санузия» полностью прекратила свое существование [15].

Санатории Академии наук, созданные по инициативе ЦЕКУБУ, стали одной из важнейших материальных привилегий научных работников в СССР. В отличие от коллег-физиков, ученые-гуманитарии 1920-х – 1930-х гг. не могли мечтать о поездке на отдых за границу, поэтому путевка в советский санаторий системы ЦЕКУБУ (а позднее, АН СССР) виделась им наилучшей возможностью испытать на себе «буржуазный отдых», отвлечься от бытовых и профессиональных проблем, предаться воспоминаниям в кругу старых друзей и профессиональных единомышленников. Тем не менее, контингент санаториев АН СССР не ограничивался научными работниками и членами их семей. Особый статус этих санаториев, их «элитарность», неповторимая атмосфера интеллектуального общения заставляли и представителей иных профессий стремиться именно в эти дома отдыха. Возможность «достать» путевку в специализированный санаторий или дом отдыха для научных работников или, напротив, способность как-либо пролоббировать интересы санатория в органах власти становились ценными активами советской неформальной экономики, способом получения других ценных услуг.

Список источников и литературы

1. Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками. В 2 т. М.: Наука, 2003. Т. 1. 386 с.

2. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 60.
3. РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42.
4. РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75.
5. РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 548.
6. РАН. Ф. 1702. Оп. 2. Д. 121.
7. РАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 418.
8. РАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452.
9. Гаген-Торн Н. И. *Методіа: воспоминания, рассказы*. М.: Возвращение, 2009. 400 с.
10. Димке Д. В. Советские детские игры: между утопией и реальностью // *Антропологический форум*. 2012. № 16. С. 309–333.
11. Долгова Е. А. Власть, ЦЕКУБУ и творческая интеллигенция в социально-экономических обстоятельствах 1920-х гг.: позиции, статусы, декорации // *Обсерватория культуры*. 2018. № 15 (1). С. 119–127.
12. Кареев Н. И. *Прожитое и пережитое*. Л., 1990. 382 с.
13. Кареев Н. И. Прощание с Санузией 42 поколения // *Вторая муза историка: неизученные страницы русской культуры XX ст. : [стихи, проза, пер.]*. М.: Наука, 2003. С. 24–26.
14. *Коварство и любовь [Видеозапись]* // *Фитиль : киножурнал*. 1965. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BfpOrj1F9Nc> (дата обращения: 05.04.2020).
15. Коробко М. Ю. *Усадьба Узкое: историко-культурный комплекс XVII–XX веков*. М., 1996. 211 с. ; то же [Электронный ресурс] // *РусАрх: [сайт]*. URL: <http://www.rusarch.ru/korobko1.htm> (дата обращения: 05.04.2020).
16. Коровин Е. А. Зачем существует ЦЕКУБУ? // *Вечерняя Москва*. 1930. 8 янв. (№ 6). С. 2.
17. Кузнецова Л. А. «Известную помощь имею крепкую»: патронаж в системе советского администрирования // *Петербургский исторический журнал*. 2019. № 2. С. 117–132.
18. Кузнецова Л. А. Гендерные аспекты курортного отдыха в СССР // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2011. Вып. 3 (17). С. 81–85.
19. Кузнецова Л. А. Курортное строительство в 1920-е–1950-е гг.: вопросы организации и управления // *Труды Института российской истории*. М., 2014. Вып. 12. С. 244–263.
20. Орлов И. Б., Юрчикова Е. В. *Массовый туризм в сталинской повседневности*. М.: РОССПЭН, 2010. 224 с.
21. Пионтковский С. А. *Дневник историка С. А. Пионтковского, (1927–1934)*. Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. 516 с.
22. *Постановление СНК СССР «Об образовании при Совете народных комиссаров Союза ССР Комиссии содействия ученым» (СЗ СССР 1931 г. № 26, ст. 212)* // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР*. М., 1931. С. 368–369.
23. Пришвин М. М. *Дневники. 1930–1931*. Кн. 7. СПб.: Росток, 2006. 704 с. ; то же [Электронный ресурс] // *Михаил Пришвин : [сайт]*. URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevnik/dnevnik-otdelno/1930.htm> (дата обращения: 05.04.2020).
24. Пушкарева Н. Л. Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских ученых в 1921–1953 гг. // *Российская история*. 2016. № 6. С. 69–82.
25. Пушкарева Н. Л. «Содействие ученым» в Советской России 1917–1941 гг. (к истории повседневности научных работников в довоенное время) // *Город и горожане в Советской России 1920–1930-х гг.: мир эмоций и повседневных практик*. Краснодар, 2017. С. 318–344.

26. Санаторий им. А. М. Горького РАН в Кисловодске (1923-2008) : [сб. статей] / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова ; [сост. Ю. Ю. Черный и др.]. М., 2012. 271 с.
27. Тимашев Н. С. Походъ противъ ЦЕКУБУ // Возрождение. 1930. Т. 5, № 1694, 21 янв. С. 4.
28. Хабибрахманова О. А. Властные стратегии и тактики по улучшению качества жизни научной интеллигенции 1920-1930-х годов. Казань, 2008. 116 с.
29. Центральный государственный архив города Москвы. Ф. Л-125. Оп. 1. Д. 28, 29.
30. Шальнев Е. В. Организация комиссии по улучшению быта ученых // Научный вестник. Пенза: ГУМНИЦ, 2010. С. 79–86.
31. Шутц И. И. Дневник «великого перелома» (март 1928 – август 1931). Paris: YMSA-Press, 1991. 325 с.

References

1. *Akademik S. F. Platonov: Perepiska s istorikami: v 2-kh t. Tom 1* [Academician S. F. Platonov: Correspondence with historians: In 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Nauka Publ., 2003. 388 p. [In Russian].
2. *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk [The Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS)]* Fund 2. Inventory 1. File 60. [In Russian].
3. *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk [The Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS)]*. Fund 4. Inventory 1. File 42. [In Russian].
4. *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk [The Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS)]* Fund 4. Inventory 2. File 75. [In Russian].
5. *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk [The Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS)]* Fund 350. Inventory 1. File 548. [In Russian].
6. *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk [The Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS)]* Fund 1702. Inventory 2. File 121. [In Russian].
7. *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk [The Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS)]* Fund 1820. Inventory 1. File 418. [In Russian].
8. *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk [The Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS)]* Fund 1820. Inventory 1. File 452. [In Russian].
9. Gagen-Thorn N. I. *Memoria: vospominaniya, rasskazy [Memoria memories, stories]*. Moscow: Vozvrashcheniye Publ., 2009. 400 p. [In Russian].
10. Dimke D. V. Sovetskiye detskiye igry: mezhdutopiyey i real'nost'yu [Soviet children's games: between utopia and reality]. *Antropologicheskij forum, №16 [Forum for Anthropology and Culture. Issue 16]*. 2012. Pp. 309–332. [In Russian].
11. Dolgova E. A. Vlast', TSEKUBU i tvorcheskaya intelligentsiya v sotsial'no-ekonomicheskikh obstoyatel'stvakh 1920-kh gg.: pozitsii, statusy, dekoratsii [The government, the central commission for improving the life of scientists, and the creative intelligentsia in the socio-economic circumstances of the 1920s: positions, statuses, decorations]. *Observatoriya kul'tury [Observatory of Culture]*. Issue 15 (1). 2018. Pp.119–127. [In Russian].
12. Kareev N. I. *Prozhitoye i perezhitoye [Lived and Experienced]*. Leningrad: SPbU Publ., 1990. 382 с. [In Russian].
13. Kareev N. I. Proshchaniye s Sanuziyey 42 pokoleniya (I, II) [Farewell to Sanusia 42 generations (1, 2)]. *Vtoraya muza istorika: Neizuchennyye stranitsy russkoy kul'tury XX stoletiya: (Stikhi, proza, per.) [The second muse of the historian: Unstudied pages*

- of Russian culture of the 20th century: (Poems, prose, transl.)*. Moscow: Nauka Publ., 2003. Pp. 24–26. [In Russian].
14. Kovarstvo i lyubov' [Scheming and Love]. *Kinozhurnal «Fital'» [Newsreel "Fital"]*, 1965. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=BfpOrj1F9Nc> (accessed: 05 April 2020). [In Russian].
 15. Korobko M. Yu. *Usad'ba Uzkoje: istoriko-kul'turnyy kompleks XVII-XX vekov [The Uzkoje estate: a historical and cultural complex of the 17th-20th centuries]*. Moscow: 1996. Available at: <http://www.rusarch.ru/korobko1.htm> (accessed: 05 April 2020). [In Russian].
 16. Korovin E. A. Zachem sushchestvuyet TSEKUBU? [Why does TSEKUBU (the central commission for improving the life of scientists) exist?]. *Vechernyaya Moskva*. Issue 6. 8 January 1930. P.2. [In Russian].
 17. Kuznetsova L. A. «Izvestnuyu pomoshch' imeyu krepkuyu»: patronazh v sisteme sovetskogo administrirovaniya [«I get good help»: patronage and the soviet management system]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal. № 2 [Petersburg historical journal. Issue 2]*. 2019. Pp.117–132. [In Russian].
 18. Kuznetsova L. A. Gendernyye aspekty kurortnogo otdykha v SSSR [Gender aspects of resort recreation in the USSR]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya. Vyp. 3 (17) [Perm University herald. History. Issue 3 (17)]*. 2011. Pp. 81–85. [In Russian].
 19. Kuznetsova L. A. Kurortnoe stroitelstvo v 1920-1950 gg.: voprosi organizatsii i upravleniya [The resort construction in the 1920s-1950s: issues of organization and management]. *Trudi Instituta rossiiskoi istorii*. Issue 12. Moscow: 2014. Pp. 244–263. [In Russian].
 20. Orlov, I. B., Iurchikova, E. V. *Massovyyi Turizm v Stalinskoj Povsednevnosti [Mass tourism in the everyday life of the Stalin period]*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 224 p. [In Russian].
 21. Piontkovsky S. A. *Dnevnik istorika S. A. Piontkovskogo (1927-1934). [Diary of a historian S. A. Piontkovsky (1927-1934)]*. Kazan: Kazan State University Publ., 2009. 516 p. [In Russian].
 22. Ob obrazovanii pri Sovete narodnykh komissarov Soyuza SSR Komissii sodeystviya uchenym: postanovleniye SNK SSSR [On education, by the Commission for Assistance to Scientists under the Council of People's Commissars of the USSR: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR]. *Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR. № 26: 10 maya 1931. g. Otd. 1, st. 212. [Collection of laws and regulations of the Workers 'and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics. Issue 26: 10 May 1931. Div. 1, art. 212]*. Moscow: SNK SSSR and Council of Labor and Defense Publ., 1931. Pp. 368–369. [In Russian].
 23. Prishvin M. M. *Dnevniki. 1930-1931. Kn. 7 [Diaries. 1930-1931. Book. 7]*. St Petersburg: Rostok Publ., 704 p., 2006. Available at: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevniki/dnevniki-otdelno/1930.htm> (accessed: 05 April 2020). [In Russian].
 24. Pushkareva N. L. *Kogda zarplaty byli bol'shimi: material'noye pooshchreniye sovetskikh uchenykh v 1921-1953 gg [When salaries were high: material incentives for Soviet scientists in 1921-1953]*. *Rossiyskaya istoriya*. Issue 6. 2016. Pp 69–82. [In Russian].

25. Pushkareva N. L. «Sodeystviye uchenym» v Sovetskoj Rossii 1917-1941 gg. (k istorii povsednevnosti nauchnykh rabotnikov v dovoennoye vremya) ["Assistance to Scientists" in Soviet Russia in 1917–1941 (to the history of everyday life of scientific workers before the war)"]. *Gorod i gorozhane v Sovetskoj Rossii 1920-1930-kh gg.: mir emotsiy i povsednevnykh praktik: sb. nauch. st. [The collection of articles: The city and townspeople in soviet Russia 1920-1930s: the world of emotions and everyday practices]*. Krasnodar: 2017. Pp. 318–344. [In Russian].
26. *Sanatoriy im. A. M. Gor'kogo RAN v Kislovodske (1923-2008): (sb. st.)* [Sanatorium named after Gorky RAS in Kislovodsk (1923-2008). Collection of articles]. Comp. by Cherny Yu. Yu. [et al.]. Moscow: 2012. 271 p. [In Russian].
27. Timashev N. S. Pokhod "protiv" TSEKUBU [Campaign against TSEKUBU]. *Vozrozhdeniye* Vol. 5. Issue 1694. 21 January 1930. P. 4. [In Russian].
28. Khabibrakhmanova O. A. *Vlastnyye strategii i taktiki po uluchsheniyu kachestva zhizni nauchnoj intelligentsii 1920-1930-kh godov [Powerful strategies and tactics to improve the quality of life of the scientific intelligentsia of the 1920s-1930s]*. Kazan: 2008. 116 p. [In Russian].
29. *Tsentr'al'nyy gosudarstvennyy arkhiv goroda Moskvy [Central State Archives of the City of Moscow]* Fund Л-125. Inventory 1. File 28, 29. [In Russian].
30. *Shalnev E. V. Organizatsiya komissii po uluchsheniyu byta uchenykh [Organization of a commission for improving the life of scientists]*. Nauchnyy vestnik: sb. nauch. st. Vyp. 5 [Scientific bulletin: collection of scientific articles. Issue 5]. Penza: 2010. Pp. 79–86. [In Russian].
31. Shitz I. I. *Dnevnik «Velikogo pereloma» (mart 1928 – avgust 1931) [Diary of "The Great Turning Point" (March 1928 – August 1931)]*. Paris: YMCA-PRESS, 1991. 325 p. [In Russian].

Сведения об авторе

Секенова Ольга Игоревна –
аспирант Центра гендерных
исследований Института этнологии и
антропологии Российской академии наук
(e-mail: jkzkray@mail.ru).

Information about the Author

Sekenova Olga Igorevna,
PhD student of the Center for Gender Studies
of the Institute of Ethnology and
Anthropology RAS
(e-mail: jkzkray@mail.ru).